

*Ольховиков К.М., Ольховикова С.В.,
ГОУ ВПО «Уральский государственный
технический университет – УПИ»*

ПРАГМАТИЧЕСКАЯ ВЕРА СОВРЕМЕННОГО СТУДЕНТА

*Если бы вся жизнь человека не была
стремлением к излишку, он никогда не
сумел бы так удовлетворительно
снабдить себя всем необходимым*

Уильям ДЖЕЙМС

Разговоры и публикации по поводу нравственной культуры студентов необратимо приобрели нарицательный и контрпродуктивный характер. Вместе с тем морализма не бывает слишком много, тем более, в обществе, где почти все постепенно превращается в рыночные ресурсы. Современный прагматизм реализует потребность предприимчивого человека в вере. Сама реальность конкурирующих социальных технологий и связанных с ними вызовов конституирована мощными субъектными установками, которые, по определению, возвышаются над обыденным расчетом и повседневной калькуляцией. Сегодня востребованы новые вариации культурных образцов, регулирующих мотивацию специалистов и профессиональных групп, и именно студенты имеют все шансы восстановить подлинный социальный смысл прагматизма.

Подобно тому, как существуют дух науки, это предпринимательства, профессиональное призвание, рожденные социокультурной эволюцией индустриального образа жизни, так же существенно явлена прагматическая вера в качестве значимой альтернативы постмодерна. Мыслить по – другому, но не желать другого, опираться на критерии будущего при его фактическом отсутствии,

начинать успешное самоприменение не со стратегических планов, а с изменения привычек организационной культуры – вот достаточные улики религиозноподобия последовательного прагматизма. Безусловно, речь идет об идеальном социологическом типе в том смысле, который вкладывал в эту категорию М. Вебер, но не только. Сегодня существенно изменилась морфология субъективности, в силу своей тесной взаимосвязи с иной социальной ситуацией, созданной разнородностью образов жизни. Целерациональности не становится меньше, но способы ее протекания и спектр возможностей их выбора стали по преимуществу эмоциональными. Рациональной калькуляции стало больше в видовом и операциональном смысле, но элементы рационального расчета скреплены консумативными (в смысле Т. Парсонса), но чаще – просто потребительскими, установками. Радикально меняется социальный смысл карьеры в связи с деструкцией самооценности иерархий в деловых организациях, публичных и частных отношениях людей. Максимально продуктивно сущностное незнание эмпирических и рациональных границ собственных достижений актора. Юмор социальной пристойности заменяется гротесками созерцательных ожиданий, скучные фантазии современного обывателя вызывают к жизни утопию изменения существующего мира. К. Маркс – допотопный прототип Дж. Леннона и Б. Гейтса.

Пожалуй, наиболее показательное исчезновение дихотомии национально-патриотического и космополитически-иностранный. Отсутствие подлинной культуры «своего», фактическая утрата русского языка сочетаются с попугайским усвоением жаргонизмов организационной культуры. Поверхностный студент сегодня исполнен веры в то, что организационная культура может вырасти сама по себе, без опоры на национальное, а постсоветские и постмарксистские преподаватели охотно способствуют этой иллюзии, осторожно напоминая о высоких образцах профессиональной культурной традиции и настаивая на правильности русской речи. Но существенно другое – отсутствие идеологического

пресса создает невиданные ранее возможности воспроизводства креативных социальных меньшинств. Современное массовое бескультурье есть лишь иное по отношению к советскому бескультурью и марксистскому шаманизму. Находящиеся в кризисе борьбы за рыночный спрос отечественные вузы имеют уникальный исторический шанс оправдания прагматической веры.

Неподлинными мифы атеистической аргументации профессионального призвания вполне исчерпали себя, но время подлинной профессиональной веры еще не пришло. Действительно, подлинными профессионалами в науке – всегда жертвенное социальное меньшинство, поскольку научное призвание порождается излишеством духовности в потребительских установках личности, когда само потребительство становится бессмысленно (с точки зрения адекватности социальной ситуации) деятельным. Современное общество столкнулось с более сложными структурными проблемами, чем те, которые Э. Дюркгейм связывал с ростом органической солидарности. Простое ослабление коллективного сознания не достаточно для объяснения разнородных вариаций субъективности индивидов. Более того, возникают иные критерии подлинности мифов, и в числе наиболее влиятельных – последовательность прагматической веры. Слишком многое в современных рыночных взаимодействиях фактически основано на определенности верований. Именно верований, а не символов и ритуалов менеджерского поведения, которыми забиты разнообразные пособия по управлению и рынку. Подлинность современного мифа социальной успешности молодого профессионала, его актуализация нуждается в демифологизации существующих стереотипов вовлечения студентов в социально успешную карьеру. И на уровне студенческой субкультуры эти предпосылки вполне обозначены, хотя и чрезвычайно противоречиво выражены.

Нахождение собственных российских ритмов социальной технологичности, восстановление прав русской языковой и мыслительной традиций не вопреки, а наряду с популярными авторитетами зарубежного менеджмента и маркетинга – единственный шанс аутентичного перевода максимум мировых достижений в российскую реальность. Прагматическая вера современного студента – это позитивный эпифеномен, потенциально подлинный миф, отвечающий вызовам и перспективам отечественной высшей школы. Это второе, что нужно пробуждать после мощной контрпропаганды наркотизма.